

0-32

2. р. 20 к.

РД 1019771

ГЕЛИЙ ОЛЬХОН

ВЕДОМОСТЬ

О

СЕКРЕТНОМ
ПРЕСТУПНИКЕ

ЧЕРНЫШЕВСКОМ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

РІ 1019771

ГОДИ ОЛХОН

ВЕДОМОСТЬ

О

СЕКРЕТНОМ
ПРЕСТУПНИКЕ

ЧЕРНЫШЕВСКОМ. “

СТИХОТВОРЕНИЯ

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

„ВЕДОМОСТЬ
о
секретном
преступнике
Чернышевском
за 1862—1883 год...“

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОГИЗ

Иркутское областное издательство
Иркутск—1941

Воды законов

...Руку на сердце свое положи,
Я тебе скажу: ты не тронь палаша!
Силе такой становясь поперек,
Ты б хоть других—не себя—поберег!

Н. Ассев.

...Один из обреченных, я почти
наверное погибну...

Чернышевский.

АРЕСТ

На фигурных часах повернулась
избушка,
За окном потускнел невеселый
закат.
Подскочила вертлявая птица-
кукушка.
Молоточек простучал часам
невпопад.
Расплываются в кольца сигарные
дымы,
И в стаканах не допит
сверкающий чай,
Но уходят друзья, будто ветром
гонимы.
Торопливо последнее слово:
«Прощай».

— Что ж, прощайте...
Быть может, навеки разлука,

Обернитесь, взгляните скорей на
него:

Впереди его—смерть,
Или смертная мука...
Но ему ли бояться пути своего?

Улыбаясь, он машет рукой на
прощанье,

Говорит им:

— До завтра...

А думает сам,

Что сегодня, последнее это
свиданье,

Накричала кукушка ему по
часам.

И тревожны друзья, и не в меру
любезны:

Поклонились жандарму.

А тот, словно бог,

Словно дьявол в мундире,

Пришедший из бездны,

В золотых аксельбантах, шагнул
за порог,

Звякнул шпорой и ждет...

Вот захлопнулись двери—

И ни входа теперь, и ни выхода
нет.

Полицейские в черных шинелях,
как звери,
Перерыли его кабинет.

Дыбом поднято всё...
Груды книг и журналов,
Под ногами раскиданы ключья
газет.

Среди старых статей,
Из бумажных завалов
Выпал маленький женский
портрет.

И, совсем как живые, глубоко
взглянули
Там любимые им дорогие глаза;
Показалось ему, что в них слезы
сверкнули...
«Будет плакать, а мне и утешить
нельзя».

Сердце стиснула давняя, тайная
жалость.
Как она будет жить? Тяжело
будет ей:
Ведь в наследство одно только
горе осталось
Да сиротская доля детей...

Горло давит рыданье.
А надо сдержаться,
Спрятать мысли и чувства от
чуждых людей,
Надо гордо смотреть и в лицо
улыбаться
Неизбывной, неведомой смерти
своей.
Надо твердо смотреть, как
жандармские руки
Распахнули шкафы и открыли
столы,
И полковник, сквозь зубы зевая
от скуки,
Самолично обшарил пустые углы.

Да и впрямь, поскучает сегодня
охранка:
Не нашлось, не сыскалось
желанных улик,
Только ворох статей,
недоправленных в гранках,
Да полдюжины английских книг.

Взяли письма жены, дневники,
корректуры,

Связку книг полицейский
взвалил на плечо.
И какой-то чиновник безликий и
хмурый.
Кабинет опечатал литым сургучом.

А в столовой, где плачет прислуга-
старушка,
Повернулся фигурный резной
циферблат:
Деревянная птица, вещунья-
кукушка,
С перепугу кукует часам
невпопад...

ЖАНДАРМ РАКЕЕВ

Поглядеть на него—он и вежлив,
и скромн,
Ослепительно чисто, моложаво
лицо.

Только глаз его жесткий
Неподвижен и тёмн.
И по взгляду такому узнают
подлецов.

Он глядит, не мигая,
Будто в самую душу
Хочет влезть
И на ощупь вызнать мысли
других.

Он любую надежду умело
задушит.

У него по-звериному быстры шаги.
У него деликатно начищены ногти,
Легкий запах духов он приносит
с собой...

Генерал Бенкендорф его службе
учил.

С давних пор уже этот полковник
Ракеев

К литераторам русским—

По службе—привык...

Три десятка прислуг и продажных
лакеев—

Вместе с ними

Повсюду полковник проник.

Все беседы в редакциях,

Сплетни и слухи,

Разговоры в салонах

И встречи друзей,—

Все доступно его неусыпному нюху

Из доносов вернейших людей...

Четверть века назад

Начинал он карьеру,

Он был скромный поручик.

И все ж генерал

Своему, молодому тогда, офицеру

Отличиться удобнейший случай

сыскал.

Государственной важности выпало

дело

(А такую удачу должно оценить!)—

Литератора Пушкина брренное тело
Он,
Ракеев,
Увез хоронить.

И частенько потом вспоминалось
об этом...

Как без устали гнал он тогда
ямщика,
Как метель голосила над мертвым
поэтом.

(У жандарма тогда задрожала
рука).

Он поа торопил возле бедной
могилы
(Поднимались вордны с насиженных
мест).

Гроб в замерзшую глину с трудом
опустили,

Пономарь перепуганно вкапывал
крест...

.
По приказу царя все исполнено
было:

Схоронили «неслышно».
Четверть века прошло...

И в чинах, и в наградах его не
забыли,
И сегодня опять ему дело
нашлось.

Нынче взят Чернышевский,
Бунтовщик, литератор.
Предписание шефом было лично
данó:
Повелеть соизволил государь
император,
Чтобы взяли без шума,
И все свершено,
Все исполнено точно—
Арестован «без шума»...
И полковник Ракеев верноподданно
рад:
За такую удачу,
Можно смело подумать,
Не оставят, конечно, без новых
наград.

ЧЕРНАЯ КАРЕТА

Вот и дверцы распахнуты
настежь... Входи!
В этой черной карете вмещается
мир.
Сердце, кажется, вспыхнет,
взорвется в груди,—
Но бесстрастен, безмолвен
жандарм-конвоир.

Видишь?
Там, в переулке, горят фонари,
Сон домов на граните незыблем,
тяжел.
Над Невою белесые перья зари.
Это мир,
Тот,
Откуда ты нынче ушел.

В ресторациях шумно пируют
дельцы,

Отдыхают сановники в Царском
селе.,
Богадельни, бараки, казармы,
дворцы—
Все, как было, на этой знакомой
земле.

Слышишь?

Поздний прохожий идет торопясь,
Деревянною тростью стучит по
торцам,
Сонный дворник сметает
вчерашнюю грязь...

Что тебе?

Этот путь ты прошел до конца.

Где-то дети, родные, друзья и
жена,
Гул редакций и тихий домашний
уют;
Эта «повесть о личном» тобой
сожжена.

Но припомнились,

За пять коротких минут:

Петербург и Саратов, и Лондон...
Зачем?

Весь масштаб географии нынче
иной:

На высоких колесах, могилен и
нем

Мир
Квадратной коробкой
Стоит пред тобой—

Лакированный, черный
распахнутый гроб.
Две скамьи для сиденья. (Как
пыльно внутри!)
Что ты смотришь, очки поднимая
на лоб?

Жизнь окончена?
Значит иди и умри.
Приготовься погибнуть...
Тебя ли пугать
Петропавловской крепостью,
Смертной тоской?
Поднимись на ступеньки—четыре
шага,
И захлопнутся дверцы вослед за
тобой.

С этих дверей двуглавые рвутся
орлы,
В их когтях истомится любая
душа.

Черноклювые птицы встревоженно
злы,
Но шагай им навстречу, шагай не
спеша.

Полицейские кони копытами бьют,
На окошках кареты густая тафта.
Где-то своды законов давно тебя
ждут

И дорога далекая, дальная, та,
На которой ломаются чувства
людей,
По которой никто не вернулся
назад...

Но рожденный для светлых,
великих идей
Ты пойдешь ради них в ледяной
каземат,

К эшафоту пойдешь, все отдашь
навсегда,
Чтобы только Россия и русский
народ

Поминали тебя на века, на года,
Чтобы зарево билось во весь
небосвод.

А сейчас, над Невой, только искры
зари.

Город спит. (И Россия еще в
полусне!)

В переулке соседнем горят фонари,
И гуляка, прохожий, поет о весне,
А на улицах осенью пахнет...

И мир,
Измельчав, потускнел, как
прошедшее лето.

И давно поджидает тебя конвоир
Перед черной тюремной каретой.

Вот и дверцы распахнуты
настежь... Пора.

— Господин Чернышевский,
входите!

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II

Он не носит короны—
Носит кивер с султаном.
Бакенбарды его—знаменитей
реформа

На дворцовых парадах
Он стоит истуканом
Среди золотом шитых, тугих
униформа

Он—властитель России.
Сочиняет законы,
Ордена и награды швыряет
кругом

И сенат, и дворянство
Бьют покорно поклоны,
Верноподданной лестью
Славят скипетр его.

Но он в скипетр не верит.
(Верит в шефа жандармов)

А из Лондона Герцен то просил,
то грозил.
Даже в дальней Сибири поднялись
каторжане,
Генерал-губернатор едва усмирил.

Расцветает крамола,
Трон империи зыбок,
Но хранителя власти нелегко
испугать.

И в бессонные ночи,
После бальных улыбок,
Самодержец России
Мечь готовил врагам.

Это он в каземате заморил
Бейдемана,
Он судил по законам, а вешал без
них.

По его повеленью всем
«свободным» крестьянам
Уготована доля батраков вековых.

Он в подушную подать
Впряг крестьянскую душу.
Кабаки всей России сдавал на
торги.

В этой крепости нынче
Чернышевский сидит...

Социальных идей
Проводник, собиратель
Ненавистную правду доверил
перу;

Титулярный советник,
Разночинец, писатель—
И осмелился Русь призывать к
топору.

К революции, к буре
Зовет он открыто.
Вся столица сегодня толкует о
нём.

Это враг даже там, в равелине
забытом,
Пишет письма сенату (и дерзко
притом).

Что Бакунин и Герцен?
(Недоступны для власти!..)
Чернышевский страшней,
ненавистней других;

С ним идут разночинцы,
Будят темные страсти—
Это новой породы объявились
враги.

РАВЕЛИН

Мертвый камень кругом...
На решетках, в железе
Догорает багрянцем осенний
закат.
За стеной кто-то горло себе
перерезал,
И теперь его кровь замывает
солдат.
В коридоре бренчат комендантские
шпоры,
Часовые столбами застыли в
углах,
Громяхают ключи... проверяют
запоры.
В равелине висит непроглядная
мгла.
Низкий свод, словно купол, сырой
и тяжелый,

Отпирают запоры,
А преступник на койке лежит, не
встает.

— Что с ним?

— Спит... Целый день за работой.

— Пишет все?

— Точно так! Не устанет весь
день.

На прогулку и то выходил с
не охотой...

— Посвети-ка, дежурный. Да
тише, тюлень,

Не стучи сапожищами... Лист
нумерован?

— Нумерован, осьмнадцатый...

— Хм... Отойди.

Зашуршала бумага.

Как видно, взволнован

Господин комендант.

Торопливо глядит,

Перещупал листы:

Аккурат восемнадцать.

Быстрый почерк, а буквы ясны и
просты...

И не верит жандарм, и не хочет
признаться.

Что его растревожили эти
листы.

— Заключенные пишут романы:
«Что делать?»
Это значит крамола закралась в
тюрьму.
А начальство бумагу давать
повелело?..

Комендант повернулся. Тревожно
ему.

— Донесу. И немедля...

Упали запоры,
Загремели столетнею ржавью
ключи.
Беспокойно бренчат комендантские
шпоры,
Часовой в коридоре прикладом
стучит.

— Не спускать с него глаз.

— Точно так, по уставу!..

.

За окном петербургская осень,
снежок,

Полицейские мерзнут у Невской
заставы,
Почтальон дилижанса играет в
рожок.

В этот вечер,
Никем не отмеченный, серый,
Одиноко сияла звезда с высоты...

ПРОТОПОП ПОЛИСАДОВ

Перед каждою казнью
В крепостных казематах
Появляется этот отец-протопоп,
И скрипучею дверью
В коридорах горбатых
Перед ним раскрывается каменный
гроб.

Поп приходит ночами, когда в
равелине
Заключенные узники сумрачно
спят,

Когда в крепости тихо,
Как в темной пустыне,
И пугливы глаза караульных
солдат...

Распахнув свою рясу,
Он в камеру входит,

Осеняет себя троекратным
И гнусавые речи с молитвой крестом
И в заплеснелый свод указывает заводит,
перстом.

Для него—в высоте,
Повелитель живущих,
Обещающий каждому мир и покой.

И наместник Христа,
Словно райские кущи,
Крестит камни застенка привычной
рукой.

И тому, кто на утро
Будет взят и повешен,
Для кого приготовлен могильный
наряд,

Поп толкует о том,
Что счастлив и утешен,
Помирившийся с миром,
Сознавшийся «брат».

За признание «грехов»—
Обещание рая,
За предательство—
Милость земного царя...

Протопоп Полисадов умело
играет,
Часовые со страхом о нём говорят.
Исповедник, он ставит ночные
допросы,
Он страшнее заправских, простых
палачей:
Исповедные тайны жандармам
доносит
И торгует слезами предсмертных
ночей.

В эпитрахили черной
И с именем бога—
Заклинает,
Грозит,
Умоляет,
Зовёт...

Но бывает и так,
Что, взглянувши с порога,
Протопоп Полисадов вздохнет
И уйдет.
Так и нынче...

Пришлось не по силам заданье:
(Есть такие сердца—что ничем не
сломить!)

На его, протопопово, увещеванье
Чернышевский
Преступник,
Не стал говорить.
Молчаливо на дверь показал, не
стыдяся.
А ведь сам из духовного звания
тож...
(Разлетается шелком шуршащая
ряса,
Протопопа невольно подернула
дрожь).

— А еще говорят: семинарская
гордость!
Ждали—церкви российской светило
растет.
И, скажите, откуда крамольная
твердость,
Где источник строптивости силу
берет?

СВИДАНИЕ В КРЕПОСТИ

Сколько было надежд.
Все ждала перемены.
Все училась неслышно, тайком,
горевать.
Скоро два года в крепости...
Серые стены...
А за ними—на кронверках солнце,
трава..

Подбежала, заплакала:
— Боже мой, боже,
Что с тобой они сделали?..
— Тише, мой друг,
Господина поручика этак
встревожим...
Но поручик чегой-то сконфузился,
вдруг:
— Mille pardone!
И к окну отойдя, отвернулся.

— Оля, надо спокойнее, видишь—
здоров!...

Пересилил себя, кое-как улыбнулся,
А у ней нехватило улыбок и слов,
Все глядела и чуть шевелила
губами:

— Что с тобой они сделали,
Коленька мой!...

Он стоял, молчаливо,
Очки над бровями,
Исхудалый, колючий,
Какой-то чужой,
Непонятно-далекий...

Хотел успокоить

И не мог.

Только руку до судорог сжал.

А у ней поднималось рыданье

такое,
Что в глазах потемнело и голос
дрожал.

Ей хотелось оплакать его, не
скрывая,

Не стыдясь ненавистных,
проклятых людей.

И стоит, и глядит она, как
неживая,

Задыхаясь от жалости женской
своей.

Как он вытерпел все?..

В письмах были надежды,
Много бодрости было...

И—в письмах—родной,
Оставался любимый и близкий, как
прежде,
А сегодня свиданье, и он, как
чужой.

Напряженный какой-то...

Хотя бы заплакал,
Хоть на что бы пожаловался...

Нет, не понять...

Поджидала, не будет ли тайного
знака,

А потом перестала и этого ждать.

Шла обратно.

Замки рокотали железно.

В коридорах ее провожал офицер,
Говорил о погоде, простился
любезно...

Яркий день показался безлюден и
сер.

Оглянулась назад:

Тишина, запустенье,

Как стеклянное море сверкает Нева.

· · · · ·
Скоро два года в крепости.

Серые стены.

А за ними—на кронверках солнце,
трава...

ДВОРЯНИН ВСЕВОЛОД КОСТОМАРОВ

Среди скользких газетчиков,
На страницах журналов
Объявился непризнанный, новый
поэт—

Проигравшийся недоросль,
Дворянин Костомаров:
Отставной офицерик,
Уланский корнет.
В петербургских редакциях
Потолкавшись с полгода,
Немудреную роль мудрено
разыграл,

Напечатал в газете
Стишки для народа,
Стал известен по кличке
Как поэт-либерал.

Он умел, потрясая своей
шевелюрой,

Вдохновенно твердить
О высоких делах
И для многих казался
Широкой натурой:
Вот каких, мол, родная земля
родила.

Погляди,
Как никак из хороших фамилий,
Прогрессист, да какой—
Столбовой дворянин.
Разночинцы его у себя приютили,
Захудал, опустился.
Так он ли один?
Нынче это не так уже стало
постыдно:

Идеалы—по Гегелю,
Жажда реформ...
Между прочим,
Частенько приходится, видно,
Дворянину
Искать себе лучший подкорм...

Всеволод Костомаров
Умел притворяться
(К Добролюбову втерся—
И принят как свой!)
И пришлось поздно вато

Друзьям сознаваться,
Что личина людская
Фальшива порой.

После пышных речей
У господ либералов,
С неудачных поэм
Перейдя на донос,
Клеветник по призванью,
Дворянин Костомаров
В черной прозе
Фальшивки жандармам принес.

Угрызения совести чужды корнету.
Суд сената закрытый—о чем
горевать?
Разночинца засудят по любому
навету,
Костомарову нынче на все
наплевать:

Он напишет еще,
Если только угодно...
(Чернышевский к тому же его
обругал).

Что касается песни—
В газете—народной,
То ее у французов он просто
списал.

Благородство, прогресс,
Ренюмэ гегельянца?...
Но, позвольте,
Корнет—это все-таки чин!
И, в конце концов,
Если уж надо сознаться,
Он ни кто-нибудь вам—
Столбовой дворянин.

ПО УКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО...

Мелкий дождь.

На плацу грязноватые лужи.

По булыжнику хлюпают сотни
сапог.

Полицмейстер, как ястреб, на
площади кружит

В длинной, сизой шинели, устал и
продрог,

Чертыхается люто, разносит
квартильных:

— Эшафот не готов, а сейчас
привезут...

Закрепили ступени в холстах
погребальных,

Прибивают последние гвозди
внизу.

— Все готово-с...

Сомкнулись солдатские цепи.

И какой-то солдатик споткнулся,
упал.

— Загляделся?

Да, здесь заглядеться не диво:
Не разбойник стоит у столба и не
вор.

Потому-то народ так глядит
молчаливо,
И позорище казни—совсем не
позор.

Пусть пронзительно-гулко гремят
барабаны,
Пусть палач похваляется властью
своей,
Там, внизу, за штыками военной
охраны
Необъятное море молчащих
людей.

Мастерщина, курсистки,
студенты, торговки
И случайный чиновник с кокардой
—молчат.
И солдаты, с тоскою сжимая
винтовки,
Непонятную тяжесть несут на
плечах.

Тяжело, в самом деле, сегодня
Хоть не каждый поймет отчего—
народу,
почему?

Ведь к столбу не привяжешь
мечту и свободу,
И позорный ярлык не наклеишь
ему.

У столба, опершись на ступени
косые,
Он стоит, близорукий, скривились
очки—

Так смешно. Но молчит, не
смеется Россия,
Будто слушает в собственном
сердце толчки.

Колокольни ударили к ранней
обедне.

Что-то крестятся мало.

Но шапки долой!

На помосте читают жестокий,
последний,
Беспощадный указ о судьбе
роковой.

Мелкий дождь моросит...

Все промокли, иззябли.

С головой непокрытою замер
народ.
В тишине одиноко прозвякали
сабли
И, внезапно... в цветах запестрел
эшафот:

Кто-то бросил букет... И толпа
загудела:
— Будь здоров, Чернышевский!
— С тобою друзья.
— Будь здоров, наш герой!
— За народное дело
И на каторге будет забота твоя.

МЕЩАНИН ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Мутный свет.

Пахнет водкой и кухонным чадом.

Расторопный буфетчик, кудряв и
румян,

Угощает гостей по кабацким
обрядам,

Терпеливо заводит гремучий
орган.

Целый день здесь шумливое
длится безделье,

Разливная сивуха в стаканы
плывет,

И кричит и смеется тупое
похмелье.

Заливает тоску петербургский
народ.

Все какие-то чуйки, кафтаны,
поддевки

За столами, качаясь, сидят в
картузах.
Половые бегут, не теряя сноровки,
Равнодушная скука застыла в
глазах.

— Что угодно, почтенный?

— Садись, угощайся.

(Распоясался пьяный, богатенький
гость).

— Благодарствую вас...

— Да садись, не ломайся.

У меня, брат, сегодня на выпивку
злость:

Угощаю и пью...

Половой удивился:

— Угощать вам, почтенный,
придется в наклад...

Гость ударил в ладони, на стол
навалился.

(У, какой нехороший, блуждающий
взгляд!)

Диковато ведет разговоры

хмельные,
Все кому-то грозит волосатой
рукой,

И слова у него бредовые,
шальные,
И никак непонятно: кто сам он
такой?

Прогоревший купец?
Не похож по обличью.
Сюртучок—по-студентски...
Да нет, не студент.
Тянет тонкую шею, вертлявую,
птичью,
Огляделся вокруг (протрезвел на
момент)
И опять к полштофу стаканы
придвинул.

— Благодарствую, нам не
приказано пить,
Но за ваше здоровье—одну
опрокину...
Торговали с прибытком, осмелюсь,
спросить?

— Торговал...
И с прибытком!
Заметано дело.
Как ты, братец мой, точно меня
угадал:

А какое мне дело, кто в чем
виноват?.

Совесьть, честь—

Это все, брат, понятие пустое;
Наше дело, любезный, на пользу
царю.

Ну, а царское дело немалого
стоит,

Потому-то сегодня деньгами
сорю...

Во глубине Сибирских руд...

...Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди...
Только там люди да цепи,
Цепи да люди.

Омулевский.

...Жить для себя возможно только
в мире,
Но умереть возможно для других.
Так мыслит он...

Некрасов.

У ПРОЩАЛЬНОГО СТОЛБА

I

Тройка, тройка, птица—тройка...
Где там птица!
Еле-еле лошади бредут.
Дребезжит расколотая спица,
Колесо скрипуче на ходу.

Неказиста сбруя, грязновата,
Поглядит ямщик да загрустит:
Почтовая тройка небогата,
Только кнут новёшенький свистит.

А уж сколько раз на тракте этом
В два конца промерен горный путь,
И зимой, и осенью, и летом—
Никуда с дороги не свернуть.

Седоки-то нынче не простые:
Арестанты, видно, из господ.

Крик и плач, и ругань, и божба.
Голосит этапная забота,
Арестанты около столба.

Старики и женщины, и дети
Под конвоем сбились в полукруг.
Видно, черный жребий их отметил,
Заклеймил их каторжный недуг.

Суждено им вспомнить об утратах,
Горевать и плакать горячо
В кандалах, в распахнутых
халатах,
С головою, бритой палачом.

Здесь рубеж, последняя граница.
За столбом дорога рвется в ширь.
Прощевай, российская земляца,
Здравствуй, горе-каторга—Сибирь.

II

Все идут и идут, и идут...
По грязям,
По дождям,
По снегам...

Умирают они на ходу,
Поклонившись холодным тайгам.

Неизвестно в котором году
Стерлись камни,
Легли колен...

Все ведут их, ведут и ведут
За чужие грехи, за свои...

В лютый жар, и в каленый мороз.
От заветной уральской черты
Растянулись этапы насквозь
От Тюмени до самой Читы.

Конвоиры кричат. Торопись,
Поджидают тебя рудники.
На твою невеселую жизнь
Поднялись частоколом штыки.

Попрощайся ж с родимой землей,
Горсть ее в узелок завяжи
И, когда час настанет лихой,
В гроб с собою ее положи.

В безымянной могиле дремать
Будет слаще с землицей родной,
Как твоя терпеливая мать,
Она ласкова будет с тобой.

У столба на последнем хребте
Горькой жизни своей не скрывай,
Русской ты поклонись нищете,
Вместе с нею навзрыд запевай:

III
Песня Сибирского
тракта

Гонит желтые листочки,
Гонит ветер гулевой,
Тучи дремные, с дождями,
Слезы льют над головой.

По дороженьке широкой
Арестантики идут,
На дороженьке далекой
Себе кликают беду.

За уральскими камнями
Птичка—в ельничке—снегирь.
Позади тебя—Рассея,
Перед личиком—Сибирь.

Обождите, не спешите,
Эй вы, бобы и голы,
Левой рученькой держите,
Придержите кандалы.

По распутью, по росстани,
Помяни родимый край,
На прощальном на привале
Нашу песню запевай.

Чтобы кости не стучали,
Чтобы путь короче был,
Чтобы вы не заскучали
У дорожных у могил.

Кто там лег, не все равно ли?
Знать, такая ж голытьба:
На спине бубновым тузом
Припечатана судьба.

Не зови Сибирь чужою,
Только душу береги:
Места хватит под землею
Для тебя и для других.

КАНДАЛЫ

Заковывали в Омске...
Желтый вечер
Над городом качал сухие облака.
Тягучий жар, как бы от сотни
печек,
Плыл из степей.
Сомлевшая река
Лениво катила глинистые воды...
Было душно.
На улицах похрустывал песок.
Казенные скрипучие подводы
Тянули груз куда-то на восток.
На гауптвахте, где остановились,
пахло водкой,
Скучали часовые.
Комендант
Беседовал с досужею молодкой...
Не вó-время подъехал арестант.
Возись с ночлегом,

Принимай жандармов,
Заказывай на утро лошадей,
А тут еще кузнец ушел в казармы.
Кого послать за ним?
Свободных нет людей.

По предписанью, данному в
столице,
«Преступник Чернышевский должен
быть,

Прибывши в Омск,
В присутствии полиций,
Немедленно закован...»
А осмелимся спросить:
Ужель в Санктпетербурге не
нашлось заклёпок.
Зачем везли досюда без оков?
Пугнуть хотят Сибирью...

Да не робок
Преступник Чернышевский, не
таков.

Прослушав предписание,
подчинился

Довольно равнодушно.
Пожал плечами,
Поставил ногу на колодку.

Молоток

С железным лязгом, звонко,
опустился,

И кандалы качнулись между ног.

— Носи, не потеряй!—сказал
кузнец привычно.

И тут родилась мысль, нелепая,
как бред:

«Не потерять бы в самом деле...»

Как обычно,
Внимательный во всем,
Он долго щупал цепь: не свалится
ли?

Нет,

Ее, оказывается, не скоро
снимешь,

Не скоро разомкнешь.

Она крепка.

И, если на руке ее прикинешь,
То удивительно покажется легка:
Как раз пять фунтов весу, по
закону.

А на ногах волочишь, словно пуд...

Пять фунтов кандалов—нацепят
по закону.

А если к этому и душу закуют...

Как тяжело висят ее оковы,
Заклёпанные русской тоской?
И сколько весу в них?

Прикинь—

На гирях тысячепудовых,
На бедности,
На ярости людской.

Ощупай цепи—славу лихолетья,
Казенным весом их не измеряй.
Пройдут года, а может быть,
столетия,

Ты вспомнишь кузнеца...
— Носи, не потеряй...

От шлагбаумов омских и томских
Будто встали столбы в караул,
От острогов и сел божедомских
Старый тракт свой хребет
растянул.

Посчитай, сколько верст до Амура:
Здесь темно, там—давно уж—
заря...

Вековая дороженька хмура,
Не изъездить ее почтарям.

Если б кто-нибудь птицей
поднялся,
Тракт сибирский зараз оглянул,
Он бы долго смотрел, удивлялся,
А потом, может быть, и всплакнул.

Города невелики, невзрачны,
Залегли наподобье берлог.
В каждом городе логовом
мрачным
Поднимается царский острог.

Из добротного камня он сложен,
И железная крыша на нём,
Целой улицы будет дороже
Этот длинный, осанистый дом.

Носит брошеное,
Живет краденым...»

Эта ли пословица
Ветром протрезвонится,
Песня ли варнацкая
Ухнет по тайге...

Столбики клейменные,
Думы полоненные,
Плачутся бубенчики
На крутой дуге.

Много дальних есть дорог в
России,

Дальше этой нет...
Не твои ли кости износились,
Затерялся след?

Не тебя ли вьюга окликала:
— Кто ты? Отзовись!
Над пустыней синего Байкала
Снеговая высь.

Широко Сибирь гостей встречает,
Рад или не рад.
Если даже сердце заскучает—
Не уйдешь назад.

Слышишь ты, в тайге заголосили:
— Потерялся след...
Много дальних есть дорог в
России,
Дальше этой нет.

III

Селитьбу ставили на тракте по
указу.

Листвяжный лес рубили топоры,
И вот пошли тесниться коновязи,
Амбары и ямщицкие дворы.

И все это росло и расползлось
Все шире—

Вдоль дорожной колеи,—

Заборами высокими связалось,

Делило избы дымные свои,

Горбатилось,

Плодилось,

Горевало,

Часовню и кладбище завело.

Так будет впредь и раньше так
бывало—

Сибирское, ямщицкое село.

Здесь жили трактом:
«Бичиком»,

Котомки на плечах,
С прохожими встречаются,
Оковами стучат.
Не радостно им праздничать—
Полмира обойти.
Не сладко христарадничать,
Да голодно в пути.

Они такие темные
Глазами и лицом,
Усталые, бездомные
Встают перед крыльцом.

Чье сердце тут не сжалится?
Нет хлеба—дай поклон.
Пойдут да закачаются,
Во след железный звон.

— Гляди, идут...
Без имени, без отчества,
Ослабли с голодух.
Идут в цареву вотчину,
На каторгу идут.

Орловские, самарские
Шагают в рудники,
Все царские да барские,
Все больше мужики.

Иного люда мало тут,
А этих гонят—тьму.
Несут глухую жалобу
Да нищую суму.

По зною и по холоду
Итти им целый год;
Повымерли бы с голоду,
Да выручит народ.

Здесь нету хлеба лишнего,
Но знают с давних пор:
Прокормит нищий нищего,
А бедность—не зазор.

Примета сердобольная
В Сибирской стороне—
Сухая корка черная
На полочке в окне.

Не днем, так ночью, может быть,
Голодный подойдет.
Как не подать прохожему—
Жалкуется народ.

VI

...Сначала край степной,
Равнинный,
Неоглядный.

Потом идут леса,
Все гуще и тесней.
Потом в разломах гор,
Стремительный и жадный,
Пересекает тракт
Холодный Енисей.
Все дальше на восток
Идут хребты Саянов,
Высоко в небо подняты снега.
Стеной встает под пологом

туманов

Извечная разлучница тайга.

Она гудит

Настойчивей, сильнее,

Корнями камень рвет из-под

горы...

Поселья стали реже и беднее,

Но шире станционные дворы.

Идут обозы—

Чайные, из Кяхты.

Из Нерчинска обозы—

С серебром.

И бубенцы горластые на тракте

Звонят за каждым каменным

бугром.

А путь ползет все дальше, меж

горами,

Как будто нет нигде ему конца,
С этапами,
С почтовыми дворами,
С ямщицкой тройкой около
крыльца.

VII

Первый голос: Везут...
Второй голос: Кого? В Россию?
Первый голос: Из России...
Закованный, по-вольному одет.
Покуда подорожную носили
Прописывать, пришла пора—обед,
Ямщицких троек утром не
осталось,
Поедет с почтарями...
Второй голос: Молодой?
Первый голос: Не старый.
Только очень уж усталый;
В тюрьме оброс, как видно,
бородой...
Второй голос: А не слышать,
какого званья, чина?
Откуда он?...
Первый голос: Из Питера
везут.

Насчет чинов его
Расспрашивал купчина—
Проезжий,—да, подикосся,
наврут,—
Назвался будто писарем
столичным...
Второй голос: Какой он
писарь,
Врут тебе, ей-ей.
Везли разве когда-нибудь с
поличным
На каторгу столичных писарей?..
Первый голос: Встречать не
доводилось,
А быть может,
И были.
Кто их разберет?
Там писаря на наших не похожи:
Столичные—особенный народ.
.
Телеги дожидаясь почтальонной,
Со скуки просвещая свояка,
Так толковал смотритель
станционный
Тулунского почтового станка.

ЛЮДИ ИЗ БЕЗДНЫ

I

Прибайкалье...
Полынное всполье.
Клобуки снеговые Саян.
Вдоль старинной дороги в Усолье
Засыхает колючий бурьян.

Прибайкалье...
Далекие тучи.
Голубая щетина тайги.
Ангара широко и могуче
Повернула на север изгиб.

Гонит теплую пыль на увалах
Суховой из монгольских пустынь,
Вянет лист на ветвях чернотала,
Облетают черемух кусты.

От московского тракта поодаль,
За увалы дорога идет,
Там кресты на могильных колодах,
И внизу солеварный завод.

За кладбищем, у ветхой часовни
Деревянный заветренный дом.
Сколько лет ему, даже не
вспомнить.

Всё давно покосилось кругом:

Арестантские камеры, клетки,
Кордегардия, будки, посты...
Жарко дышат полынные степи,
Пахнет дымом смолистым, густым.

Неприятное брезжит раздолье,
Сотню лет и вчера и поднесь.
Это старый поселок—Усолье,
Государева каторга здесь...

Полыхают на варницах печи,
Ядовитый туманится чад.
Истомились, измаялись плечи,
А насосы скрипят и скрипят.

Сторона ты лихая, чужая,
О тебе прокатилась молва:

— На Усолье рассол дорожает,
Арестантская кровь дешева.

На Усолье порядки жестоки,
Возле варниц и днюй и ночуй.
Раза два не осилишь «уроки»,
И под розги пойдешь к палачу.

Льется пот в солевые растворы,
Соль застыла на выбритых лбах...
Возле флигеля главной конторы
Жестяные орлы на столбах.

Вьется пыль среди башен
дворовых.

Караульный заснул инвалид
И не видит, как тройка почтовых
Подкатила к крыльцу и стоит.

— Эй, проснись!..
Из телеги проворный
Конвоир соскочил с облучка,
А за ним вылез пыльный и черный
Арестант, бородатый, в очках.

Огляделся вокруг безразлично,
Будто видел Усолье давно,
Подтянул кандалы непривычно,
У крылечка присел на бревно.

Возле флигеля конторы
На штыках халаты рвут.

Цепи грохают, как гири,
На земле тяжелый след.
Что тут делать конвоирам—
Без начальства сладу нет.

Третий день кутит начальство,
Все смотрители пьяны.

Третий раз отбив дневальство,
Взбунтовались горюны.

Разлетелись все запоры,
Бьют набатом кандалы...

Жестяные у конторы
На столбах дрожат орлы.

Вот они, взгляни, какие—
Солевары, жиганы:
Сухорукие, хромые,
На огне закалены.

Вот они, взгляни, какие—
На черпалах шеи гнут:
Остролицые, худые,
Бородами враз трясут.

Низко сгорбились, скривились,
Пальцы вывихнуты вкось,
Щеки словно провалились,
Просолели все насквозь.

Божьей милостью питались
Государевы рабы...

Но сегодня зашатались
Заорлённые столбы.

Если смерть—одно спасенье:
На миру и смерть красна.
Нынче кончилось терпенье,
Стала каторга тесна.

Цепи грохают, как гири,
С кандалов слетела ржа...
Что тут делать конвоирам—
Перевязаны, лежат.

У цейхгаузов, у складов,
Сбив замок с глухой двери,
Десять дюжих дровокладов
Горстью делят сухари,

Делят шапками мучицу:
— Подходи и получай!

С голодухи пьют водицу,
Только челюсти стучат...

Меркнут к вечеру просторы,
Солнце пало между гор...

Возле флигеля конторы
Слышен тихий разговор:

— Кто-то спит.

— Очнись, печальный.

— Подымайся поскорей.

— Подымайся, друг кандалный,
Да отведай сухарей...

— По одежде, вроде—вольный,
А в оковах...

— Митька, эй,

Тут бедует сердобольный,
Ты ему! оковы сбей...

— Нет, не надо...

— Как не надо?

Али жизнь не дорога?..

— За мукой беги до склада,
Торопись, уйдем в бега...

— Добрый путь...

— Да ты в уме ли?

- Ты откуда?
— Кто таков?..

Каторжане зашумели:
— Позовите стариков...

Волоча больные ноги,
Низко-низко поклонясь,
Подошел высокий, строгий,
В седине до самых глаз.

III

- Как зовут тебя, барин?
— Зовут Николаем,
Но какой же я барин?..
— А што, скажешь: нет?..
Как по батюшке кличут?..
Ведь мы понимаем,
Николай-свет-Гаврилыч, чиниться
не след.

Ты, хотя и кандалный, а все-таки
барин,
Только барин хороший и, видно,
с душой...

Ну, а я прозываюсь Никита
Опарин,—

Из Казани под старость в Усолье
пришел.

Не чурайся, мой свет, я—не вор,
не убийца.

Я по роду, по племени русский
мужик.

Думал счастье найти,
Думал правды добиться...
По ночам слышу будто бы
истошный крик:

«Нету правды в Рассее!..»
А как уж искали,
Сколько сгубло народу, спаси их,
господь...

От царя, от дворян, видишь,
правду мы ждали.

Вот и вышла нам правда от
наших господ.

«Выкупай,—говорят нам,—землицу
родную.

Заплати,—говорят,—за избенки
вперед...»

А откуда добыть нам деньгу
выкупную,

Хлебопашцы, кажись, небогатый
народ:

Приходи, мол,
Взгляни на крестьянскую жисьь.
Ходоки запропали.
Мы ждали их, ждали...
Три уезда шумели.
И вот, дождались,
Понагнали солдатов.
И ружья, и пушки....
Крови пролито море.
Да что поминать,
Разметали по бревнышку наши
избушки...

Посмотри на меня:
Не разбойник, не тать!
И кругом—погляди.
Не скажи: душегубы...
Их на каторге мало.
Тут все мужики:
Спины сечены,
Биты—повыбиты зубы,
Это наши все, бездиенские,
бунтовщики.

Эх, мой свет!
Кабы нам вожаком Пугачева
Али Разина...
Нас бы тогда не смести,

Не страшись своему и чужому
концу.

Человек ты мудрёный, но, как я
гадаю,
Будет время и все твою душу
поймут,
А умрешь, так могилку твою
обрыдают,
Теплым словом страданья твои
помянут...

Чтобы легче холодные цепи
носились,
Не забудь, что Никита тебе
завещал...

Остаешься?
Дай бог тебе крепости, силы
И прощай,
Николай-свет-Гаврилыч,
Прощай...

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

Через четыре года он заметил,
Как стали притупляться чувства...

Хотя попрежнему рудничные часы
Отсчитывали месяцы и сутки,
И по утрам смотритель голосил,
И так же шли проверки и побудки,
Ночные обыски, работа в

рудниках,
Обед из пшенной каши,
переписка...

Порой он видел это все как бы
издалека.

Казалось, что он вычеркнут из
списка

Живых и мыслящих...

Хотя кругом
Попрежнему
Бряцали кандалы

Тут он упал на койку
И заплакал,
Почувствовав,
Что все-таки он рад весне.

ЗЕМЛЯКИ

I

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?..

Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не спишь?

Ночь темна.

Ночь темна,
В тюрьме темно,
От окна
Во тьме пятно
Чуть мерещится в глазах.

Дремлет погреб—каземат,
Дремлют стены,
Дремлют двери—
Для людей покоя нет...

За окном, огромным зверем,
Деревянный силуэт
Будто руку простирает,
Будто сумрак заклиняет
Перейти скорей в рассвет.

Со столба на перекладину
Опустила кольца вниз,
Как змея, веревка-гадина
На чужую чью-то жизнь.

Палачам легка работа:
Тут не надо эшафота,
Тут ведь каторга—Сибирь...
Тут повесят, кто узнает?
Равнодушен темный мир.

Что же слезы вытирает
Отупевший конвоир?
Видно, жалы ему кого-то,
И слеза еще нашлась...
Тяжела тоска—забота,
Что ж, поплачь украдкой всласть.

Шинелёшка дыровата,
Ствол ружейный плечи гнёт.
Подневольна жизнь солдата,
Хоть не каждый и поймет.

Он у виселицы ходит,
Караулит смерть в ночи,
Он тайком к окну подходит
И тайком в окно стучит:

— Николай Гаврилыч, ты не
спишь?

Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не
спишь?..

Ночь темна.

— Спишь?

— Не сплю...

— А видишь?

— Вижу.

— Вешать будут утром.

— Вижу.

— Страшно, Николай Гаврилыч...

— Знаю.

— Тяжко, Николай Гаврилыч...

— Понимаю.

II

...Николай Гаврилыч с детства
помнил
Низкий берег, избы, тополя,

Барский дом, пруды, каменоломни
И за Волгой желтые поля.

Хлебосол, помещик подгородний
В той деревне сказочно кутил
И на каждый праздник новогодний
Всех знакомых барственно дарил.

Из теплиц его оранжереи,
В новый год—с утра до темноты—
Казачки, одетые в ливреи,
Развозили южные цветы.

Весь Саратов знал причуды
барства.

Барин был прославлен—чудаком.
Хилый отпрыск древнего боярства,
Он убит был собственным рабом.

Хоронить убитого съезжались
Из шести уездных городов...
И у многих в памяти остались
Чудеса помещичьих садов.

...Николай Гаврилыч помнил долго,
Как, приехав осенью с отцом,
Он гулял по берегу, над Волгой,
Перед пышным каменным
дворцом.

Пальмы там росли и орхидеи,
Гроздья роз пахучи и густы...
Казачки, одетые в ливреи,
Подстригали хрупкие кусты.

— Вот мои любители природы,—
Показал помещик на ребят.
— Оба Васьки, братья, садоводы,
Близнецы к' тому же, говорят.

Поглядите, в самом деле сходство.
Вся семья такая, с малых лет:
Мужики, а любят цветоводство,
И отец садовничал, и дед.

Предлагали тысячу за штуку,
Но продать навеки зарекусь:
Эти Васьки знают всю науку...
Я в теплице даже их секу.

Хе... хе... хе... Помещик рассмеялся,
Под ногою хрустнули сучки;
Куст японской розы закачался,
Побледнели братья-казачки.

...И тогда запомнились: ливреи,
Блеск цветов—рубин и бирюза,—
Пестрота большой оранжереи
И испуг в мальчишеских глазах.

.

Земляки, саратовцы, родные,
Половодьем время пронеслось.
Садоводы, братья-крепостные,
Вот где Васек встретить довелось.

Надерзил подросший Васька Панин
(Не под силу стала маяга),
Осерчал наследник, новый барин,
Сдал до срока парня в рекрута.

А в солдатах вид имел неражий,
В «призывной» глазами заморгал
И попал—
В «войска тюремной стражи»—
Караулить каторжный централ...

Годы шли, и встретились братаны,
Да не где-нибудь, а в рудниках,
Где по сопкам желтые туманы
Улеглись на пыльных сорняках.

И второй садовник, Васька Панин,
Всю Сибирь протопал поперек...
Запороть его грозился барин,
Да себя, грехом, не уберег.

Вспомнил Васька кровные обиды
За невест поруганных и жен.

Заказал попу две панихиды—
И садовым, дедовским ножом
Заколот помещика в теплице,
Возле новых розовых кустов...
А потом на церковь помолился...
Парники поджог со всех концов.
И во всем спокойно повинился...
Принял он три тыщи батогов.

Год болел, хирел, но не сломился.
Только мясо выгнило с боков.

В Кадаю пришел кандальным
«вечным»
И теперь (ведь вот какая жизнь!)
В рудниках, под небом этим
желчным,
Близнецы на каторге сошлись.

III

А уж лучше бы им не сходиться,
Погибать бы безвестными врозь,
Чем при встрече друг друга
стыдиться,
В сердце прятать и жалость и
злость.

Оттащили его конвоиры,
А смотритель уже не дышал.

По столетним, осторожным уставам
Осудил его суд полевой...

И начальство велело поставить
Черный столб за тюремной стеной

Для острастки кандалному люду,
Возле окон, у всех на виду...

Чтобы каждый сказал: «Не
забуду»,
Чтобы помнилось долго в бреду.

...И в последнюю ночь, в непогоду,
Будто правя прощальный обряд,
По приказу начальника взвода
Ходит плачущий Васька-Солдат.

IV

— Николай Гаврилыч, ты не
спишь?

Тишина.

— Николай Гаврилыч, ты не
спишь?

Ночь темна.

- Спишь?
- Не сплю.
- Грустишь?
- Тоскую...

- Слышишь, Николай Гаврилыч,
боль такую?

Песня смертника

Приготовили веревку
Не толсту и не тонку,
Именинную обновку—
Длиннорукую пеньку.

Палачи, в цветных рубахах,
Закатали рукава.
Вот тебе моя папаха,
Удалая голова.

Не жалея царёва мыла,
Чтобы душу захлестнуть,
Чтоб петля меня давила
Горячо, не как-нибудь.

Что глядите, каторжане,
Рты разинув до ушей?
Затяните на прощанье
Песню родине моей.

На столбе, в петле качаясь,
От нее не отвернусь,
В смертном хрипе заикаясь,
Русским людям отзовусь...

Ах, прости-прощайте, други
Подкандальные мои.
Черный коршун чертит круги,
Осмоленный столб стоит.

Палачи идут за мною,
Отходную мне поют,
За тюремную стеною
Я кончаю жизнь свою.

Те, кто выйдет к жизни новой,
Вспомни нас издалека,
Помяните добрым словом
Горемыку-бедняка.

СВИДАНИЕ НА КАТОРГЕ

Высокий лоб, упрямо сжаты губы,
Крутые скулы...

Он или не он?

Халат на нем надет какой-то

грубый,

Должно быть, николаевских

времен,

Измятый и в заплатках.

Исподлобья,

Нахмуренно глядят запавшие

глаза.

Личина каторжанского подоби́я—

Холодная, далекая гроза.

Так вот он здесь каков

Мыслитель,

Лишенный прав, свободы и труда,

Здесь все возможно!..
А ему бодрее,
Когда она в Саратове живет.
Подальше их отсюда, поскорее,
Здесь произвол особенно гнетет.

Ведь там ей все привычно и
знакомо.

Пусть растит сына...
Там они вдвоем
Отца дождутся...
Лучше будет дома.

.
И он сумел поставить на своем,
Уговорил немедленно уехать...

Он даже улыбался в этот день.

ГОСУДАРЕВЫ ЯМЩИКИ

I

Все тучи да горы,
Все горы да тучи,
Глуха снеговая тайга.
Лесные просторы
Тесны и могучи.
На Лене круты берега.

По тракту заносы,
Пуржит да метелит,
Торóсья на Лене гремят.
Седые утесы,
Иззябшие ели,
Да столбики редко стоят.

Столбы верстовые,
Столбы расписные—
Примета этапных дорог;

От ближней деревни
До дальней деревни
Одна остановка—острог.

Якутские дебри суровы, дремучи
Преддверия белых пустынь.
Все тучи да горы,
Все горы да тучи,
Да возле дороги кресты...

II

Гулкий гром,—это рвутся деревья
от стужи;
Пополам раскололась столетняя
ель.
Синий снег на угорьях метелица
кружит,
Пуховую в долинах взбивает
постель.

То завоет сквозняк голосисто, по-
волчьи,
То набатом в тайге тяжело загудит,
Индевелые кедры ломает и корчит,
Каменистую землю насквозь
леденит.

Снеговой рассыпает дрожащую
пену,
Ветер острый, как сталь голубого
ножа.
Белым мраком закрыло широкую
Лену.
Низкорослые избы под ветром
дрожат.

Спит приленский поселок,
затерянный в чаще.
Только жарко пылают всю ночь
камельки.
На почтовом станке, возле печки
дымящей,
Выпив водки, беседу ведут ямщики.
Первый ямщик:
— Ишь, погода какая.
Никак не уймется,
А жандармы сказали: чуть свет—
запрягать...

Второй ямщик:
— Им-то что!
Вот проезжий от стужи трясется,
А приказано, слышишь, его
сберегать...

Первый ямщик:
— Сберегут, дожидайся.

Видали, не первый,
Понимаем, что в ссылку на гибель
везут.

Из каких он?

Второй ямщик:

— Да что ж, «государственный»
верно,
Чистоватый такой и стекóлки в
глазу.

По фамилии, слышишь, зовут
Чернышóвской,
Обходительный барин, спаси его
бог...

Первый ямщик:

— А с жандармами ладит?

Второй ямщик:

— Ну, он не таковской:

Всю дорогу ни слова, хотя и
продрог,
А молчит, ни гу-гу, ничего не
попросит...

Первый ямщик:

— Вот так барин.

А что про него говорят?

Второй ямщик:

— Слух-то, видишь, какой от
Иркутска доносит,

Будто он, в одиночку, пошел на
царя:

Пригрозил бунтовать за
крестьянскую долю,
Подавай-де, мол, правду для
русской земли,
Чтобы всякому люду свободу да
волю...

Первый ямщик:

— Ну и что же?

Второй ямщик:

— Да что ж: в кандалах от царя
увели,

Засудили его на повешанье...

Первый ямщик:

— Что ты?..

Второй ямщик:

— Вот те крест!

А веревка возьми—оборвись.

У него на душе-то мирские
заботы,
Не берет, значит, петля евонную
жись.

Ну, тогда закатали его в каторжане.

В рудниках, полагали, в железах
сгниет,

А не вышло...

В Олёкме вчерась поезжане
Толковали—железо его не берет...
Первый ямщик:
— Не берет?
Второй ямщик:
— Вот те крест!
Да оно и понятно,
Потому и везут его, слышь, на
Виллюй:
Кто туда попадет, не вернется
обратно...
Вот что, кум, я тебе—
по-знакомству—велю:
Ты возьми мою дóху, поедешь—
закутай,
Путь лихой, не померз бы.
Да только гляди,
Сделай все это сам, а жандармов
не путай,
Чернышовской от них не возьмет...
Впереди—
Ямщикам накажи, чтоб давали
одежу:
Так с Иркутска ямщина везет, на-
проход.
Для него-то мирская забота—
надежа,

Человек он родной, пострадал за
народ...

.....
Спит приленский поселок в
завьюженной чаще,
Спит проезжий на нарах в
этапной избе;
И всю ночь до рассвета, у печки
дымящей
Ямщики толковали о темной
судьбе.

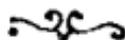

Места отдаленные

Вихрями, в бурные годы,
В край наш заносит глухой
Птиц неизвестной породы,
Смелых и гордых собой.
Омулевский.

Надобно же нам не уронить себя, со
стороны бодрости характера, перед
людьми, которые будут изучать нашу
жизнь.

Чернышевск ий.

ДЕБРИ

I

Сини сугробы на Лене,
Ветры на Лене гремячи.
Зимние пышные тучи
Плавают в розовой пене.

В розовой пене заката
Медное солнце садится.
Ветер поземкой дымится,
Лед по дороге накатан.

Лед по дороге накатан.
Стынут торосья столбами.
Горные цепи—горбами
Подняли пламя заката.

Подняли пламя высоко;
Свет догорел и растаял.
Белая, вьюжная стая—
Рвется поземка с востока.

II

Проходили на север этапы,
На привалах плакались в песнях.
Тайга леденелые лапы
Протягивала поднебесью.

Дай-ка гармонь, я сыграю,
Звонче тряхну кандалами.
Путь к позабытому краю
В сумрак ушел перед нами.

Плачет гармонь и смеется,
Рвись каторжанская глотка.
Слушай, как ночью поется
Старая песня-находка. .

Песня якутских этапов
Подожди, конвоир, не гони:
Все равно до станка не дойти,
Ошалелый мороз уронил
Белопенную шерсть на пути.

Дай, прилягу в зыбучую стынь,
Снежный мир успокоит меня.
В неподвижности мертвых пустынь
Не дожидаться весеннего дня.

Здесь и летом в болотах синеется
По зыбучим тропинкам, в чащобе
Почта два раза в год
Из Якутска придет...

Время тут протекает неслышно-
невидно,
Никого,
Никуда,
Никогда
Не ведет.
Жизнь уходит...
А здесь никому не обидно:
Год—как день,
Или день—словно год.

Обыватель по-своему время
считает:
По крестинам,
Родинам
Да похоронам.
И никто здесь о доле иной не
мечтает—
Все покорны привычкам и
календарям.

Но тому, кто идет за острожной
оградой,
Износив на себе не одни кандалы,
Много силы и мужества тайного
надо,
Чтоб считать незабудки и мерить
углы.

Полтора ста шагов от угла до
другого.
Частокол потемнел, изветшало
бревно...

С невеселого неба, такого чужого,
Осыпается липкая сырость...

Ему все равно.

Он не видит дождя...

По пятам, неотлучно,

Ходит следом усатый вилюйский
казак.

Конвоиру сегодня особенно скучно,
Червь тоски его гложет:

— Дозвольте, в кабак!..

— Что ж пойдём...

Так выводят его «на прогулку».

За воротами город—

Домов шестьдесят.

Даже солнце к нам не ходит,
За горами солнце прячется,
Ветер-сивер непогодит,
Нашей доле незадачится.

Нашей доле незадачится,
Не по мертвом, по живомі
Загрустится да заплачется:
На краю земли живем,
На краю земли живем.
Свету-радости не видели.
Тучи темные, осенние, кругом
Нашу долюшку обидели.

Сторона наша далекая—
Даже солнце к нам не ходит,
Что ж, Вилюй, река глубокая,
Круты волны половодит?..

Вот и кончена песня.

А вот и казак.

Ухмыляется, выпил, душа

потеплела:

— Все молчишь, Чернышовской?

Не надо бы так.

У тебя голова-то с тоски поседела.

Аль не пишет жена?

— Пишет, пишет. Пойдем.

— Ну, а пишет, так что ты в
тревоге?

Вот мы дома...

Смолёные стены кругом.

· · · · ·
Заскрипела калитка в Вилюйском
остроге.

~~~~~

МЕСТА ОТДАЛЕННЫЕ

I

Как забыть мне тебя, нелюдиму,
Необъятная родина вьюг?
Здесь жилища считают по «дыму»,
Снег и ветер хозяин сам-друг.

На поречьях поселки издревня
Раздвигают сухой бурелом:
Два дымка называют—деревня,
Восемь дымов зовутся—селом.

Восемь юрт—это восемь несчастий,
Черный мор, нищета, кабала;
Будто все человечьи напасти
Воедино судьба собрала.

По распутицам гибнут олени,
Поредело лесное зверье.

II

Как забыть тебя, край одиночества?
Ты мне снишься ночами опять.
Вижу я—
Без имен и без отчеств
На кладбищах изгнанники спят.

Вдалеке от любимых и милых,
Не оставив следов о себе,
Спят они в одиноких могилах,
Истомившись в неравной борьбе.

Но живет о них давняя память,
И великая сила живет,
Вольных дум озаренное знамя
Поднимает бессмертный народ.

Это знамя с ненастями спорит,
Потому-то во мгле снеговой
Высоки незакатные зори
Над суровой якутской землей.

Потому-то медлительно длинный
Вспоминает туземный напев
Путь изгнанников,
Песней былинной
Молодые сердца разогрев.

И заботой других поколений,
Чтобы память прохожий хранил,
На кладбищах старинных селений
Берегутся столбы у могил.

На столбах кто-то смелой рукою
В честь и славу погибших людей
Поднял к синим просторам покоя
Крылья смелых гостей—
Лебедей.

Как мечты, молодые порывы
Из могильников в светлую высь,
Словно птицы живые, счастливы,
Выше смерти они поднялись.

Широки эти крылья, могучи.
Это памятник дальней страны,
Где рождаются ветры и тучи
Накануне полярной весны.

ЯКУТКА МАГДА

Горбатая, костлявая старуха
Открыла двери.

— Принимай гостей!..

Откашлявшись надрывисто и глухо,
Якутка Магда положила на
постель

Убогий узелок,

Потом присела,

На корточках погрелась у огня.

— Ты что же это, бабушка,
болела?

Давненько не бывала у меня.

— Давненько не бывала...

Словно эхо,

Откликнулась старуха,

Затряслась.

— Бельишко вымыла, да думала
не к спеху,

Прости, Николушка, насилу
собралась.

Беда ведь у меня: похоронила
сына...

Сидела тихая, покорная всему,
Лицо иссохшее, в коричневых
морщинах.

Шептала (как во сне) и кланялась
ему:

— Прости, Никола...

— Что ты, Магда, что ты....

— Прости, Никола, долго не
была...

Он сразу позабыл свои заботы,
Почувствовал в груди прилив
тепла;

Хотел обнять ее.

Присел у печки рядом.

Погладил по плечу.

Как статуя, она

Глядела равнодушным взглядом,

Лицом своим измученным темна.

В прообразе ее—долготерпенье,

Туземная, столетняя нужда.

Сидела у огня в оцепененье,
Оборванная, нища и седа.
Как эхо откликалась.

— Помер?

— Помер.

— Давно?

— Давно.

— А как давно?

— Сегодня девять дней.

Купец бывал у нас, слышал,
Пушник Ерема?

Забрал за долг хвосты от
соболей,

Оставил нам бутылку водки.

Парень выпил,

Да водка с купоросом, что ль,
была.

Пошли в грудях у парня

С кровью всхлипы,

А смерть-то в одночасье прибыла.

Сгорел сынок,

Тепере я, вдовуха,

Одна: совсем...

Да ты не осерчай,

Что долго не была к тебе
старуха...

Белье стирала возле сына по
ночам.

Все думала, что выдюжит...

Охотник

Такой был сын,

Могутный да большой.

Ан вот, купец попутал,

захребетник...

Белье-то я помыла хорошо,

Не осерчай, Никола...

— Что ты, Магда, что ты!

Садись к столу, да будем чаевать.

У нас одни с тобой и думы и

заботы:

Ты для меня ведь не чужая

будешь, мать.

ЦЫНГА

Зима кончалась.

Ветры дули с юга.

Двенадцать дней плескался

снегопад,

Прозрачная, дымящаяся вьюга

Выламывала бревна из оград.

Гудели крыши глухо и протяжно,

Как бы готовясь в небо улететь.

Острог стоял приземистый,

коряжный,

Зарывшись в снег, как в логово

медведь.

Двенадцать дней крутила

непогода.

Весь мир, казалось, в сумерки

одет.

Потом скатились тучи с небосвода,

. . . . .
Бессонными, бирючьими ночами,
Растапливая старый камелёк,
Он видел смерть—за самыми
плечами...

Но вспыхивал погасший уголек
И озарялось жадное сознание,
Былых надежд мятущийся костер,
Огромное, горячее желанье,
Желанье жить—всему наперекор...
Огонь его бодрил.
Всю зиму полыхала
Смолистая лучина в камельке,
Всю зиму непогода лиховала,
И льдины лопались от стужи на
реке.

Болезнь подкралась вместе с
холодами.
(Он сам ее лечил и наблюдал).
Сначала пол качался под ногами,
Потом казалась горькою вода.
Три месяца он вылежал в постели,
Лечил себя брусничною водой...

Секретный государственный
невольник
Гулять впервые вышел за стеной.

В то утро над вилюйскими
хребтами

Полярные летели журавли,
И облака, подбитые ветрами,
Кружились низко, около земли.

Он медленно шагал,
Попыхивал сигаркой
И вел с собой упорный разговор:
— Пусть солнца нет и небо пусть
неярко,
Но надо жить—всему наперекор...

СОЛДАТСКИЙ СЫН ИПОЛИТ МЫШКИН

I

— Еще один заряд...
Казачи окружали.
Он видел, как далекие кусты
Встревоженно ветвями задрожали,
Роняя пожелтелые листы.

Чудовищная, топкая трясина
Тянулася вдоль обрывистой горы.
Над зарослями, в жиденьких
осинах
Навязчиво звенели комары,
Гудел зелёный овод.

Под ногами
Похлюпывал болотный водоем.

Колючими, широкими рогами
Истлевший громоздился бурелом,
Столетние трухлявые колоды
Пересекали путь.
Тут некуда бежать—
Кругом пустыня:
Илистые воды,
Зыбун,
Лишайников пузырчатая ржавь.
И смерть кругом.

— Еще один заряд!..
Укрывшись за колодиной, он
Изорванный, мишурный свой
Мундир жандарма, выпачканный
— скинул
наряд—
тиной.

— Теперь не нужно маски...
Чу! Идут!
Холодный пистолет он поднял
торопливо...

Урядник, спотыкаясь, на ходу
Выкрикивал в кустах нетерпеливо:
— Сдавайся, выходи! Собаками
дойдем!..

И, в самом деле, злобно взлаяли
собаки.

Похрустывая, раздвигался
бурелом,
Ругались озверелые казаки.

— Быть может, для себя оставить
пулю?

(Курок на взводе!)

Нет, не в этом смелость...

Он медленно отвел сверкающее
дуло

И выстрелил вперед, почти не
целясь.

Урядник охнул.

Сбоку набежали,

Собаки навалились...

— Бей его, не трусь!..

Но он рванулся так, что люди
задрожали:

— Держите псов!

Все кончено, теперь—сдаюсь...

II

Профессия революционера—
Единственная, избранная им.

Как дуэлянт, всю жизнь он у
барьера
Играл со смертью. (И непобедим!).

Во имя будущего,
Верный зову дружбы,
Он был готов пожертвовать
собой,
Погибнуть там, где это делу
нужно...

Солдатский сын, взлелеянный
борьбой,
В нём билась сила, данная
народом,
И он ее народу отдавал...
Вот он стоит,
Большой, русобородый.
Приподнята высоко голова,
Лицо в кровоподтеках, исхудало.
Весь в тине, мокрый...
А в глазах
То вспыхивало вновь, то пропадало
Сияние—
Раздумье и гроза...

Досада жжет его, как тайная
отрава,
Проклятый аксельбант запутал
жизнь
(Он нацепил его на левое плечо,
А надо было справа,
В Вилюйске знатоки мундирные
нашлись!).

Весь маскарад испорчен.
Подозренье.
Конвой в Якутск.
Проклятый аксельбант!..
Что думать тут о собственном
спасенье,
Когда в остроге на Вилюе
арестант.
«Теперь его запрут, конечно,
строже.
Несчастный Чернышевский...»
Так шептал
Беглец
О том, чья жизнь ему была
дороже
Своей.
Себя за жертву он не почитал...

Все восемь дней, покуда бедовал
В болотистой тайге,
Спасаясь от погони,
Отстреливаясь,
Прячась в хвойнике.

Он знал, что все равно его
И восемь дней держал заряд в догонят
руке.

Последний...

Вспоминая об остроге,
О Чернышевском,
Он было решил
Себя прикончить выстрелом в
дороге—
За неудачу. .

Но потом остыл,
Почувствовал, что это театрально.
А он плохой актер:
Поручика и то не мог сыграть...

. . . . .
Его свезли в Иркутск дорогою
И след его теперь не отыскать.
кандальной,

Что где-то есть отцовский дом на
Волге,
Что сам когда-то он счастливым
там бывал.

Всё—как во сне!

Но здесь и сны не долги.

Хотя он все-таки немного задремал

С открытыми глазами,

Одинокий, измученный...

На крыше дождь стучал.

В подсвечнике, из проволоки

скрученном,

Коптила сальная оплывшая свеча.

Весь день, охваченный

сердцебиеньем,

Не видя, как сгущается туман,

Гонимый внутренним каким-то

нетерпеньем,

Он торопился дописать роман—

(Последнюю надежду и заботу

За эти десять лет!..)

Когда ушел казак,

Он с горечью перелистал свою

работу

Ворвался сразу с четырех сторон.
Вилюйский арестант очнулся от
дремоты,

Нашел на ощупь спички.

Огонек

Пугливо озарил

Листы его работы,

Окошко

И погасший камелек.

Обугленные ветки не дымились,

Осыпалась холодная зола.

Подумалось, что все его забыли,

Вот только мыши смотрят из угла.

— Сейчас погреемся!..

Он взял листы романа,

Помял в руке.

— Не надо бы, да что ж,

Отнимут, отберут...

Пока еще не поздно и не рано...

(Да и растопки лучше не найдешь).

Вернешься ли еще когда обратно?..

А может статься, мыслью

ослабел?..

Чуть слышно он шептал совсем

уже невнятно

И горько улыбался сам себе.

А кругом конвоиры лишь только
одни.
Слышно, бьется волна о высокую
пристань
И вдали,
На Приволжье
Сигналят огни...

II

Пароходы гудят—
На разлуку, на встречу.
— Эй, дубинушка, ухнем!—поют
бурлаки.
Над затонами чайки в небо
крыльями мечут.
Города и деревни поднялись вдоль
реки.

Здравствуй, родина-мать!
Здравствуй, новое племя!
Не твои ли созвездья блещут
впереди
Для того, кто посеял горящее
семя,
Для того, кто вернулся с надеждой
в груди?

Здравствуй, волжский простор!
Двадцать лет не видались.
Как твои половодья, грохотали
года—

Молодые желанья в былое
умчались,

А мечта молодой остается всегда.

Жизнь отдав за других,—

Не жалеешь о жизни.

Не напрасно в страданьях она
прожита:

Светлый образ весенней, любимой
отчизны

Не закроет ненастных ночей
темнота.

Ярче, новые звезды, пылайте над
миром!

Пусть никто не встречает сегодня
тебя,

Пусть ты снова идешь со своим
конвоиром,—

Для тебя пароходы над Волгой
трубят:

Путь не кончен еще!..

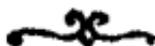

Былое

СТИХИ
НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

...Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых...

М. Михайлов.

БАШНЯ В ИЛИМСКОМ ОСТРОГЕ

Ух, как сыро, как холодно!..
Словно подуло

Несусветною вьюгой навстречу, в
лицо.
Деревянная дверь покачнулась
сутуло,
Под ногой тяжело заскрипело
крыльцо.

Плесень, изморозь, слизь...
Опаленные стены
Из обтесанных диких чудовищ-
бревниц

Тверже камня стоят.
И не ждут перемены.
А на старой иконе, сквозь
прозелень,
Нищ и убог,
Улыбается медный Исус...

На студеные годы, на мертвые
сроки,
По тайгам, по ущельям забытых
дорог.
Не из Санкт-Петербурга в Москву,
с подорожной;
Этот путь по Сибири—иная
гоньба:
Непроглядные ночи в зимовке
острожной,
Волчий вой на безлюдьях,
Метельная пляска-гульба...
Тут светлейший Потемкин, для
императрицы,
В показательные деревни не сгонял
поселян.
Над зыбучими пашнями южные
птицы
Не летели сюда в предвесенний
туман.
Вольнодумец Вольтер здесь бы
мог убедиться,
Что каленая стужа клеймит горячо,
И в стране Россиян так легко
затаиться,
Что в Сибири
Нашелся еще бы маркиз Пугачев.

Впрочем, ссыльный Радищев и
впрямь
Пострашной Пугачева.
(Так об этом сказала царица сама).
Осужден... ошельмован...
помилован.

Снова—
Кандалы и попы,
Артикулы законов, тюрьма...

Двести зим бушевала, казалось,
метель нелюдимо.
Двести лет одичало дремала тайга.
Деревянные башни гудели над
старым Илимом,
И отзывное эхо гремело набат в
берега.

Долог путь свой, изгнанник, в
глуши невеселой.
Ты его проложил не на год, а на
век.
Слышу: вольное слово—по градам
и селам—
Повторяет воспетый тобой человек.
За калиткой развеялся сумрак
столетий,

Всходит солнце, хрусталится
ранний снежок.
К нашей школе бегут, улыбаются
дети
И, увидев, меня оцепили в кружок:

— Ты о чем это плачешь?
— Ты, может быть, болен?
(Сколько славных и вдруг
опечаленных глаз).
— Нет, друзья...
Эти слезы мои поневоле...
Я здоров. И мне радостно здесь,
среди вас.

Поглядите, как солнце плывет над
Илимом!
Мир чудесен, когда в нем
свободно мечтать,
Жить свободно. И память героев
любимых
Грустью сердца и теплой слезой
вспоминать.

Илимск.

КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ

Зарницей алого пера
Ударил третий час утра.

На бастионах и куртинах,
В горбатых, древних рavelинах
Еще дышала тишина...

Но за глухим кольцом гранита
Бьют эскадронные копыта,
Кавалергарды и уланы
Колышут белые султаны,
И, на три четверти версты
Заняв проезды и мосты—
От всех полков подходят роты
Его величества пехоты...

(Объявлен черный манифест).
И первый Павловский оркестр,
Встречая сонных адъютантов,
Перебивает звон курантов.

Крестись дрожащею рукой.
Покуда эшафот кончают,
Живых поспешно отпевают:
— И со святыми упокой...

Кошмары встали наяву.
Гремят ключи и гаснут свечи.
Какую страшную молву
Разносит шопот человечесий?

— Куда, куда их повели?..
Заря забрезжила вдали.
Нева бесстрашна, как всегда,
Клубится мрачная вода.
Рожки сигнальные взывают,
Дымки от ладана всплывают.

Но вот—обрывы бастионов,
И первый Павловский оркестр
Над плюмажами эскадронов,
(Как высочайший манифест)
От усыпальницы куртин,
Приносит виселицам гимн—
«Коль славен наш господь в
Сионе»..

КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ

...«Коль славен наш господь в
Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик он в небесах на троне,
В былинках на земли велик»...

— Лейные! На пятнадцать
шагов! Кру-оп!

— Барабанщики! Приготовь
барабан!

(Раз-два-три-четыре-раз-два...)
Стоп!

— Внимание, господин плац-
капитан...

Утренний ветер летит с Невы,
Мокрые тучи раскрыли щель,
Дрожит Петропавловская
цитадель
Шпилем заплесневелой головы.

Первый и второй покачнулись
сразу.

Саваном холщевым хрип задушен.

Третий забился птицей в силке,
Судорожно скорчилась мешечная
рвань.

Солдатское ружье дрогнуло в руке,
Правофланговый покачнулся.—
«Встань!..»

(«Велик он в небесах на троне...»)
Пятый.

— Ой, закружился!—«Молчать!»

— Оборвался!—«Молчать!..»

(Вешают вторично)... Тише,
проклятый...

Не барабаны, зубы начинают
стучать.

— Скоро ли?.. Пушка ударила на
бастионе.

— Кончают. Последний саван
поник.

...«Коль славен наш господь в
Сионе,

Не может изъяснить язык...»

ДОСТОЕВСКИЙ

Мертвый дом засыпает... А ты?
Ты не можешь заснуть поневоле,
Если черная пасть пустоты
Распахнулась в сугробистом поле.

Деревянный угрюмый забор.
Караулы устали шагать.
И заводит ночной разговор
Нехорошая, злая пурга.

Зябко брезжат кой-где фонари,
На погосте хлопочут вороны.
Долог путь к пробуждению зари,
Тяжело под крестом и короной.

Видишь мир? Вдоль бревенчатых
стен
На гнилых, переполненных нарах
Он заснул до больших перемен...
Он давно не боится удара.

Кандалы приучился таскать,
Озверело молчать под нагайкой.
И, в петле задыхаясь, икать,
Называя судьбу негодяйкой...

Помнишь—десять бумажных
рублей

В переплете библейского шелка,
Чтобы в каторге было теплей,
Принесла для тебя незнакомка?

Помнишь вечер, когда привели
Полумертвых татар беглецов?
Как палач полотно расстелил,
Как надламывал розги с концов.

Это просто: четыреста розг.
Отдыхает палач. А в рассвет
Чей-то страшный расплавленный
МОЗГ

Сумасшедшим ушел в лазарет.

Карамазов, Раскольников—здесь,
Научившись терпенью другому,
Понесут беспощадную весть
Всероссийскому мертвому дому.

В арестантском кривом колпаке
Ты напрасно доверился «богу».

Разуверься в своем двойнике—
Разве «бог» пробивает дорогу?

Нет! С кайлой, в кандалах, по
утрам,
Ты пойдешь под сибирское небо.
Повинуясь конвойным скотам,
Будешь бить неподатливый
щебень.

Не мыслитель, совсем не игрок,
Рядовым, серолицым рабом—
Будешь делать житейский урок
Для жандарма в плаще голубом.

И тебе не простят никогда,
Даже в лучших словах эпитафии,
Исторической правды суда:
Черных пятен твоей биографии.

ИЗ ЦИКЛА «СИБИРСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ»

Олени дрогнули и встали. Перед
нами,
Подобное серебряному блюду,
Дымилось озеро холодными
гребнями...
Тот, первый, вечер я не позабуду.
. . . . .
Мы, осужденные по строгости
законов
На поселенье в отдаленнейших
местах,
Пришли в края морозов и
драконов,
Гремя железной ржавью на костях.
И вот она, далекая свобода...
На зябких кочках тундровой
страны

Полярный вечер сыпал с небосвода
Зеленой зыбью сумрачной весны.

Дымит костер желанного ночлега,
Кирпичный чай заварен в
котелке...

Шел разговор о будущих побегах
По неизвестной северной реке.

Кругом пространства смутные,
пустые.

Вдали сияли белые хребты.
Болота стыли, гнилью налитые.
И было странно: ночь без темноты.

. . . . .
Нас было двое. Спутник мой—
бывалый
Балтийский токарь. Твердый
человек.

Мы с ним бежали в черные
провалы,
Через пороги падающих рек.

Мы ели мох, бруснику и коренья,
Ловили рыбу серым армяком...

ПОБЕГ

У-ух! Как холодно на Витиме.
Снега обмирают в зеленом дыме,
Ветер прошибает камни насквозь,
Льдины на поречье полезли врозь.

Марево качается
Синим-зеленым;
Небо перетянута
Морозом каленым;
Ночь да полунощь
Гудят в снега.
Индевеют пылью
Оленьи рога.

Рыжие олени
По застругам
Топают копытами
Друг за другом.

Нарточки напаивают льдистый жир.
Ссылный большевик
За границу бежит.

Мертвыми кладбищами
Версты брезжат.
Волчьим тулупом
Покрыт проезжий.
Сыплет непогодица
Мертвый снег...
По приказу партии
Сделан побег.

Нет, не напрасен
Разбег полозьев.
Сердце упрямое—
Не заморозить...
Белые горы уходят мимо...
У-ух! Как холодно за Витимом.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Памяти погибших здесь.

Пошатнулась стена в опустелом
центrale,

Умирает зима в казематах.

Только песня осталась: «Вы
жертвою пали...»

Только память о горьких утратах.

Я закрою глаза и, прислушавшись
к вьюге,

Различаю отчетливый звон
кандалов:

Это гонят этапы в Иркутской
округе,

Политических, каторжных, бритых
голов.

От станков, от семей, от огней
Петрограда,

Ваша гордая песня и нынче поется
На развалинах тюрем гнилых:
«Дело всегда отзовется
На поколеньи живых...»

Александровское,
1932

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Сводь законов	
Арест	7
Жандарм Ракеев	12
Черная карета	17
Царь Александр II.	22
Равелин	28
Протопоп Полисадов	35
Свидание в крепости	39
Дворянин Всеволод Костомаров	43
По указу его императорского .	47
Мещанин Петр Яковлев	52

Во глубине сибирских руд

У прощального столба	59
Кандалы	65
Сибирский тракт	69
Люди из Бездны	82
Во глубине сибирских руд . . .	95
Земляки	99
Свидание на каторге	111
Государевы ящики	115

Места отдаленные

Дебри	125
Вилюйский острог	129
Места отдаленные	135
Якутка Магда	139
Цынга	143
Солдатский сын Ипполит Мыш- кин	148

Осень на Вилюе	155
Возвращение	162
Б ы л о е	
Башня в Илимском остроге . .	171
Казнь декабристов	176
Казнь декабристов	179
Достоевский	182
Из цикла „Сибирские бываль- щины“	185
Побег	188
Александровский централ . .	190
